

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

LITERARY STUDIES

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-4-675-695

EDN: ONMWPH

УДК 821.161.1:82.09

Редакционная статья / Editorial article

А.С. Пушкин и пушкинский миф в современном русском литературоведении

С.Б. Королева

*Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
Нижний Новгород, Россия*
✉ svetlakor0808@gmail.com

Аннотация. Цель исследования – аналитический обзор научных докладов, разносторонне представляющих достижения современной российской пушкинистики. Проанализированы материалы международных «пушкинских» конференций последних лет; обобщено содержание статей, публикуемых № 4 за 2025 г. «Вестника РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика»; обозначены перспективные направления «пушкинских» исследований. Описаны различные аспекты основных направлений, определившихся в современном пушкиноведении: поэтика и проблематика пушкинского творчества в контексте традиции и эпохи; поэтика русской литературы в контексте восприятия личности и творчества А.С. Пушкина; миф о Пушкине (в том числе его творческое осмысление и деконструкция) как способ идентификации и самоидентификации в массовой культуре и индивидуально-авторской картине мира; «другой» Пушкин: его восприятие в иных национальных культурах, акценты на отличительных признаках инациональных образов Пушкина. Отмечена актуальность вопросов компаративно-рецептивного характера, входящих в проблемное поле современной пушкинистики: соотнесенность «петербургской темы» в поэме Пушкина «Медный всадник» с венецианским текстом Байрона; пушкинский вектор развития европейского мифа о Дон Жуане в русской литературе; рецепция «пушкинской речи» Достоевского за рубежом; проблема проникновения элементов имагологического мифа о России в зарубежную пушкинистику. В результате сделаны следующие выводы: современное проблемное поле российской пушкинистики отличают разнообразие научных тем и преемственность по отношению к методологической традиции и достигнутым результатам исследований в этой области; компаративно-рецептивный аспект является одним из наиболее актуальных в современном пушкиноведении; глубина и оригинальность исследовательского взгляда представленных в выпуске журнала статей свидетельствуют о неисчерпаемости диалога российской и мировой культуры с поэтом, равно как и о бесконечности перспективы открытий на путях пушкиноведения.

© Королева С.Б., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: российская пушкинистика, доклады «пушкинских» конференций, пушкинский миф, рецепция творчества А.С. Пушкина, перспективы развития «пушкинских» исследований

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-00706.

История статьи: поступила в редакцию 25 августа 2025 г.; отрецензирована 18 сентября 2025 г.; принята к публикации 20 сентября 2025 г.

Для цитирования: Королева С.Б. А.С. Пушкин и пушкинский миф в современном российском литературоведении // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 4. С. 675–695. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-675-695>

Pushkin and the Pushkin Myth in Contemporary Russian Literary Studies

Svetlana B. Koroleva

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

✉ svetlakor0808@gmail.com

Abstract. The aim of the article is to present an analytical review of research conducted in the mainstream of modern Russian Pushkin studies. The author analyzes the material of reports presented at the international Pushkin conferences of recent years; summarizes the content of articles published in this issue of the *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*; and identifies perspective areas of Pushkin research. Focusing on different aspects of the main areas that have emerged in modern Russian Pushkin studies, it describes the latter ones as follows: poetics and problems of Pushkin's work in the context of tradition and era; poetics of Russian literature in the context of perception of Pushkin's personality and work; the Pushkin myth (including its creative interpretation and deconstruction) as a way of identification and self-identification in popular culture and the individual author's picture of the world; the 'other' Pushkin: his perception in other national cultures, with an emphasis on the distinctive features of foreign images of Pushkin. The relevance of comparative and receptive issues included in the problematic field of modern Pushkin studies is accentuated; and the problems of correlation between the 'Petersburg theme' in Pushkin's poem *The Bronze Horseman* and Byron's Venetian text, of Pushkin's way of developing the European myth of Don Juan in Russian literature, of reception of Dostoevsky's "Pushkin Speech" abroad, and of penetration of the imagological myth about Russia into foreign Pushkin studies are commented on as examples. The following conclusions were made in this research: the contemporary field of Russian Pushkin studies is distinguished by a diversity of issues and continuity with respect to the methodological tradition and the achieved results of research in this area; the comparative-receptive aspect is one of the most relevant in contemporary Pushkin studies; the depth and originality of the research perspective of the articles presented in this issue of the *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism* testify to the inexhaustible responses of

Russian and world cultures to the poet, as well as to the endless prospects for discoveries along the paths of Pushkin studies.

Keywords: Russian Pushkin studies, reports of the “Pushkin” conferences, the Pushkin myth, reception A. S. Pushkin’s works, prospects in the sphere of Pushkin research

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Founding. The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00706.

Article history: submitted August 25, 2025; revised September 18, 2025; accepted September 20, 2025.

For citation: Koroleva, S.B. (2025). Pushkin and the Pushkin Myth in Contemporary Russian Literary Studies. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(4), 675–695. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-675-695>

Введение

Произведения А.С. Пушкина, «схваченные» в ассоциативном поле представлений о его личности и эпохе, – один из основополагающих компонентов русской национальной культуры, русского самосознания. «Омифотворение» (термин М.В. Загидуллиной) Пушкина, начавшееся еще при его жизни, продолжается и в наши дни и проявляется в формах как массового сознания (анекдоты, шутки, сетевая микропоэзия, блогосфера), так и сознания индивидуально-авторского (литературные произведения, комиксы, анимационное и художественное кино). Сохраняя базовые оппозиции «мой – наш», «поэт – толпа», «поэт – власть», «вечное – временное», «сакральное (идеальное) – профанное (неидеальное)», пушкинский миф конца XX – начала XXI в. в его индивидуальных и в массовых формах стремится выйти за свои пределы, посмотреть на себя со стороны, обрести новую эмоционально-феноменологическую близость с Пушкиным – человеком с неповторимым абрисом личности, автором классических текстов русской литературы, поэтом-гением, ставшим символом глубокой человечности и духовной тонкости русской культуры.

Стремление выйти за пределы мифа, полемически оттолкнуться от обыденного или же общепринятого научного суждения о пушкинском творчестве характерно и для современного российского литературоведения. Исходя из устоявшегося уже в первой половине XX в. (многократно подтвержденного результатами научных изысканий) представления о том, что русскому поэту невозможно не отозваться Пушкиным, что русская литература развивается по путям, во многом проложенным уже им, современные исследования соотносятся в целом с четырьмя векторами «пушкинского проблемного поля». Представляется, что эти векторы объединены перспективой новой точки зрения на пушкинское творчество и результаты его воздействия на русскую и мировую культуру, – перспективой, которая позволяет обнаружить нечто, до настоящего времени ускользавшее от взора исследователя.

Актуальные направления исследований в российской пушкинистике

В качестве основных направлений современной российской пушкинистики целесообразно выделить несколько.

1. Поэтика и проблематика пушкинского творчества в контексте традиции и эпохи, в том числе образно-стилевых признаков речевых и литературных жанров.

2. Поэтика русской литературы в контексте восприятия личности и творчества Пушкина.

3. Пушкинский миф (в том числе его творческое осмысление и деконструкция) как способ идентификации и самоидентификации в массовой культуре и индивидуально-авторской картине мира.

4. «Другой» Пушкин: его восприятие в иных национальных культурах, включая фильмографию, музыкальные формы рецепции его творчества, академический дискурс.

Значимость выделенных аспектов для современной российской гуманитаристики подтверждается тематикой докладов, представленных к обсуждению в последние годы, в первую очередь на традиционной для пушкинистов конференции «Болдинские чтения» (ННГУ им. Н.И. Лобачевского) и на относительно новой, но показавшей себя вполне состоятельной конференции «Рецепция личности и творчества А.С. Пушкина в русской и мировой культуре (XIX–XXI вв.)» (НГЛУ им. Н.А. Добролюбова).

Новые наблюдения и значимые научные результаты в отношении первого из выделенных аспектов были представлены, в частности, в докладах Л.А. Карпушкиной – о пародии на шекспировский экфрасис в «Графе Нулине» («Болдинские чтения», 2024 г.), М.Ю. Елеповой – о литературных и автобиографических контекстах и аллюзиях пушкинских переводов из Андре Шенье («Рецепция личности и творчества А.С. Пушкина в русской и мировой культуре (XIX–XXI вв.)», 2025 г.), Н.А. Карпова – о смысловой противоречивости пушкинского «Памятника», связанной с ориентированностью художественного слова на сложно организованные образно-символические аспекты значений («Рецепция личности и творчества А.С. Пушкина в русской и мировой культуре (XIX–XXI вв.)», 2023 г.).

Обсуждение индивидуальных свойств пушкинского слова, начавшееся (как и пушкинский миф) при жизни поэта, несомненно, не исчерпано и будет продолжаться в новых исследованиях. Значимым остается вопрос взаимодействия разностилевых компонентов пушкинского стиха, взаимонаправленность произаизации поэзии и поэтизации прозы (включая прозу жизни и быта) в его творчестве. На материале неопубликованных посланий А.С. Пушкина этот «лотмановский» и одновременно «бахтинский» и «виноградовский» вопрос в ракурсе вхождения бытового слова в слово поэтическое освещается в статье Е.Н. Григорьевой и В.Т. Золотухина, представленной в этом выпуске журнала.

Не менее актуальным для современного литературоведения остается и вопрос компаративно-поэтологического характера – о «переозначении» в пушкинском творчестве заимствуемых литературных мотивов, образов, идейно-тематических рядов. В частности, требует глубокого изучения вопрос о диалоге Пушкина с Байроном как об одном из значимых полемических контекстов «Медного всадника». Венецианский текст Байрона¹ в четырех его наиболее значительных воплощениях: четвертой песне «Паломничества Чайльд Гарольда» (*Childe Harold's Pilgrimage*, 1818), «Оде к Венеции» (*Ode on Venice*, 1818), шуточной поэме «Беппо» (*Beppo*, 1817) и особенно трагедии «Марино Фальеро» (*Marino Faliero, Doge of Venice*, 1820), – имеет несомненное значение для пушкинской поэмы.

Немало важен для размышлений о характере взаимодействия пушкинского «Медного всадника» с байроновским венецианским текстом тот факт, что образы Петербурга и Венеции в сознании пушкинской эпохи, в представлениях тех, кто составлял круг общения поэта, были потенциально соотнесены. Эта соотнесенность проявилась несколькими десятилетиями позже, в частности в «венецианских» стихотворениях П.А. Вяземского 1850–1860 гг. Однако уже в «Прогулке в Академию художеств» (1814) К.Н. Батюшкова, на которую Пушкин полнозвучно отозвался во «Вступлении» к «Медному всаднику» (Джанумов, 2020), тема творчества и красоты, размышления о шедеврах и гениях античной и европейской культуры, о прелести петербургского ландшафта и перспективах развития русской культуры прокладывали путь к формированию устойчивой ассоциации Петербург – Венеция.

Во «Вступлении» к поэме Пушкина «венецианская» вуаль как бы наброшена на создаваемый образ Петербурга, при этом через нее просвечивают «свои», пушкинско-петербургские смыслы. Основные приметы этой вуали-ореола – «золотые небеса» и «прозрачный сумрак» петербургских ночей² (ср.: «ночей Италии златой» – «Евгений Онегин», гл. I³; «Венеция златая» – «Близ мест, где царствует Венеция златая...»⁴; «блеск прозрачных облаков» – «Венецианская ночь»⁵); уединенное творческое бдение поэта ночью (ср.: «Когда я в комнате моей / Пишу, читаю без лампы»⁶ – «Один, ночной гребец, гондолой управляя, / ... / Ринальда, Годфреда, Эрминию поет...»⁷ – «Близ мест, где

¹ О венецианском тексте как понятии и о венецианском тексте русской литературы см.: Меднис Н.Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск : Новосибирский гос. пед. ун-т, 1999. 391 с.

² Пушкин А.С. Медный всадник // Полное собрание сочинений : в 10 томах. Т. 4. Поэмы. Сказки. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. С. 275.

³ Пушкин А.С. Евгений Онегин : Роман в стихах // Полное собрание сочинений : в 10 томах. Т. 5. Евгений Онегин. Драматические произведения / А.С. Пушкин. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. С. 25.

⁴ Пушкин А.С. Близ мест, где царствует Венеция златая... // Полное собрание сочинений : в 10 томах. Т. 3. Стихотворения, 1827–1836 / А.С. Пушкин. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. С. 24.

⁵ Козлов И. Венецианская ночь // Стихотворения / И. Козлов ; под ред. Е.Н. Купреяновой. М. : Советский писатель, 1948. С. 51.

⁶ Пушкин А.С. Медный всадник // Полное собрание сочинений : в 10 томах. Т. 4. Поэмы. Сказки / А.С. Пушкин. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. С. 275.

⁷ Пушкин А.С. Близ мест, где царствует Венеция златая... // Полное собрание сочинений : в 10 томах. Т. 3. Стихотворения, 1827–1836 / А.С. Пушкин. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. С. 24.

царствует Венеция златая...»); «блеск, шум и говор балов», «пирушка холостая» (ср.: «пышные забавы», «пир ночной» в «Венецианской ночи»⁸). Имплицитное уподобление Петербурга Венеции в этой части поэмы основано в первую очередь на том литературном образе итальянского города, который был задан Байроном в четвертой песне «Чайльд Гарольда» и отчасти в «Беппо». При этом между «золотыми небесами» петербургских белых ночей – образом, в котором символика божественного избранничества крепко спаяна с реалистичностью воспроизводимой детали, с одной стороны, и «златой Венецией», с другой, равно как между автобиографическим «Я», изображенным уединенно читающим и пишущим в своей комнате, и условно-литературным образом поющего в ночи гондольера есть значительная дистанция.

Заключительные строки «Вступления», как и основная часть «Медного всадника», отсылают к другому «венецианскому» произведению Байрона – трагедии «Марино Фальеро» (ср.: о рецепции «Марино Фальеро» в другом произведении Пушкина писал И. Коган⁹). Кульминацией этой трагедии является предсказание о падении Венеции – предсказание-проклятие, интонационно сближенное с ветхозаветными пророчествами, замешанное на обличении преступлений власть имущих перед Богом, на разрушительном призывании Высшего возмездия. С этой интонацией Пушкин контрастно соотносит свой созидательный призыв, обращенный к городу: «Красуйся, град Петров, и стой / Неколебимо как Россия...»¹⁰. Призыв, совершаемый в утопически-поэтическом ключе (Маркович, 2023, с. 133), нацелен на «вызывание» благополучного будущего города и всей воплощенной в его образе державы силой поэтически-пророческого слова. Сопровождающее его уточняющее пожелание поэта «Да умирится же с тобой / И побежденная стихия...», – снова отсылает к байроновским строкам¹¹. В нем перифраза, именующая Венецию «повелительницей вод и движущими их силами» (A ruler of the waters and their powers – «Паломничество Чайльд Гарольда», IV)¹², пересоздается в формулу пророчески-поэтического пожелания – и при этом не абсолютного доминирования города над стихией (как у Байрона), но доминирования-примирения.

Контекст «Марино Фальеро», скрепляя «Вступление» и основную часть пушкинской поэмы, освещает ее историософскую направленность. Отсылки к байроновской трагедии, реализуемые в сюжете и образности «Медного всадника» (образы львов, конной статуи и ее мистическая связь с городом и героем; мотив потери рассудка мятежным гордецом; тема родства, сплетенная с темами власти и истории и т.п.), актуализуют в пушкинской поэме тот идейно-тематический комплекс венецианского текста Байрона, который

⁸ Козлов И. Венецианская ночь // Стихотворения / И. Козлов ; под ред. Е.Н. Купреяновой. М. : Советский писатель, 1948. 196 с. С. 52.

⁹ Коган И. Тайна Венецианского стихотворения А.С. Пушкина. СПб. : КОСТА, 2008. 117 с.

¹⁰ Пушкин А.С. Медный всадник // Полное собрание сочинений : в 10 томах. Т. 4. Поэмы. Сказки / А.С. Пушкин. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. С. 276.

¹¹ Там же.

¹² Byron Lord. Childe Harold's Pilgrimage // The Major Works / Lord Byron ; ed. by J.J. McGann. New York : Oxford University Press, 2008. P. 149.

полнее всего воплотился в его «Оде к Венеции» и который окрасил в медитативно-элегические тона и другие его художественные высказывания о «морской Кибеле». Разносторонний образ этого города у английского поэта вмещает в себя, помимо всего прочего, признаки бесславного увядания мощного государства – свободной республики, превратившейся в могучую империю, постепенно клонившейся к упадку и, наконец, окончательно утратившей свое историческое лицо (Kelsall, 2024). Через отсылки к венецианскому тексту Байрона этому общему пониманию истории как повторяющихся безуспешных попыток человечества создать благодатную империю, Пушкин противопоставляет одновременно пророчески-поэтическое призывание благополучного будущего Петербурга и России и глубокое осмысление неустойчивых оснований не империй вообще, но «послепетровской государственности», в которой размах политического развития и культуростроения соседствует с «пресечением родовых связей» и умалением человека (Виролайнен, 1999, с. 208, 213).

Ко второму из выделенных направлений изучения Пушкина и «пушкинского мифа» можно отнести результаты исследований, представленных в докладе А.В. Кулагина о литературной судьбе пушкинских «Бесов» и рецепции этого шедевра в песне Высоцкого «Открытые двери...» («Рецепция личности и творчества А.С. Пушкина в русской и мировой культуре (XIX–XXI вв.)», 2023 г.), И.И. Цвик – о пушкинской традиции в творческом наследии М. Цветаевой и А. Ахматовой («Болдинские чтения», 2024 г.), Н.Н. Подосокорского – о произведениях А.С. Пушкина как источника рассказа генерала Иволгина в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» («Рецепция личности и творчества А.С. Пушкина в русской и мировой культуре (XIX–XXI вв.)», 2025 г.).

С этим направлением современной пушкинистики соотнесены две статьи этого выпуска: о рецепции Л.Н. Толстым пушкинских произведений в осмыслении народной войны (статья А.И. Иваницкого и К.А. Нагиной) и о роли цитаты из пушкинской маленькой трагедии «Каменный гость» в романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского (статья О.Н. Турышевой).

Будучи одним из направлений российской пушкинистики, сам по себе научный диалог о восприятии личности и творчества А.С. Пушкина в поэтике «послепушкинской» русской литературы представляется не имеющим обозримых границ. Можно с уверенностью утверждать, что не только классическая русская литература XIX в. по-прежнему хранит нераспознанные следы прямого или опосредованного воздействия пушкинского творчества, но и поэзия А. Блока, О. Мандельштама, М. Кузьмина, Н. Гумилёва, Д. Самойлова, А. Кушнера, А. Галича, Б. Окуджавы, В. Высоцкого (ряд может быть продолжен), как и поэзия наших современников М. Ватутиной, И. Караулова, А. Долгаревой, Е. Заславской.

Пристального внимания заслуживает вопрос о «русском векторе» интерпретации мифа о Дон Жуане, заданном в пушкинском «Каменном госте». Известно, что Пушкин отталкивается от традиционно комедийной обработки сюжета о Дон Жуане (в том числе у Мольера) и, развивая высокое, трагедийное начало, заложенное в мифе и высвеченное в опере Моцарта, приходит

к проблеме борьбы вечного и временного, высшей и обыденной реальности не только в большом пространстве культуры, общества, истории, но внутри «большого» человека (Королева, 2025).

Гораздо менее изучены послепушкинские образы Дон Жуана в русской литературе XIX–XX вв. Между тем «пушкинскому вектору» отчасти следует уже А.К. Толстой в своей драматической поэме «Дон Жуан». В начале XX в. образ-миф становится предметом лирико-философских размышлений о человеке в символистской и пост-символистской поэзии (К. Бальмонт, В. Брюсов, З. Гиппиус, Н. Гумилёв, А. Блок, М. Цветаева). В этих произведениях в целом тоже проявлен «пушкинский вектор» Дон Жуана. Так, центральной темой стихотворения Брюсова являются не любовные похождения и сексуальные победы, но любовь как пограничное состояние души, которое способно подвести ее через прикосновение к женским душам («новым мирам») к «святой глубине» – Вечности¹³. В сонете Н. Гумилёва «Дон Жуан» герой раздроблен между инстинктом вечного стремления, движения, победы, размышлением о будущем и редкими прозрениями («вдруг опомнюсь»), обнажающими пустоту и ложную «наполненность» его бытия¹⁴.

Онтологическая и трагическая (Пушкиным заданная) глубина сюжета о Дон Жуане в советский период истории русской литературы сохраняются не в драме (комедия С. Алешина «Тогда в Севилье» (1948), пьеса Л. Жуховицкого «Последняя женщина сеньора Хуана» (1981)), а в поэзии. В частности, речь идет о поэме-фарсе Д. Самойлова «Старый Дон Жуан» (1976) и стихотворении В. Сосноры «Дон Жуан» (1979). Эти тексты объединяет образ героя, синтезирующий признаки героя экзистенциального и романтического, символистского и авангардного, как и явная его соотнесенность с позицией автора: и для Сосноры, и для Самойлова Дон Жуан есть героическая проекция себя – не отступающего ни перед смертью, ни перед проклятием, ищущего истину и смысл.

С третьим из выделенных направлений современной пушкинистики соотносятся наблюдения, которые были представлены в докладах Г.Л. Гуменной – об образах памятников Пушкину в поэзии Б. Садовского («Рецепция личности и творчества А.С. Пушкина в русской и мировой культуре (XIX–XXI вв.)», 2023 г.), И.С. Юхновой – о стратегиях биографического повествования в пушкинской диалогии В.П. Авенариуса (эта же конференция), Ю.Е. Павельевой – о «пушкинской линии» в творчестве А.И. Солженицына («Рецепция личности и творчества А.С. Пушкина в русской и мировой культуре (XIX–XXI вв.)», 2024 г.), А.Г. Коваленко – об отсылках к Пушкину в поэзии и прозе русского постмодернизма («Рецепция личности и творчества А.С. Пушкина в русской и мировой культуре (XIX–XXI вв.)», 2025 г.). Это направление отражено в трех статьях этого выпуска журнала: о пушкинском мифе в литературных манифестах 1920-х гг. (А.Ю. Овчаренко, Е.А. Шапринская), о роли отсылок

¹³ Брюсов В. Дон Жуан. Избранные сочинения : в 2 томах. Т. 1. М. : Художественная литература, 1955. С. 101.

¹⁴ Гумилев Н.С. Дон Жуан. Полное собрание сочинений : в 10 томах. Т. 1. М. : Воскресение, 1998. С. 272.

к Пушкину в юмористических текстах сатириконцев (Н.А. Карпов) и о формах и смысле «пушкинского текста» в зрелых произведениях А. Галича (М.А. Александрова).

В сопоставлении с пушкинским мифом в русской культуре примечательным представляется факт внимания английских критиков к «пушкинскому мифу Достоевского». Уже в 1916 г. в работах Дж.М. Мерри (одного из наиболее авторитетных английских литературных критиков этого времени) в «пушкинской речи» Достоевского была выделена интенция самоидентификации (в отношениях с Пушкиным). В предисловии Мерри к изданию «Достоевский. Страницы из дневника автора» (*Dostoyevski. Pages from the Journal of an Author*) предлагалось увидеть в Пушкине центральную фигуру русской литературы и *alter ego* писателя (Murry, 1916). Предисловие последовательно и аргументированно убеждало читателя в том, что «пушкинская речь» – это в первую очередь разговор великого писателя о самом себе, его самых сокровенных чаяниях, его вере в Россию и в чудо перерождения человечества.

Четвертое из обозначенных направлений нашло отражение в статье А.В. Ямпольской, публикуемой в этом выпуске, – об итальянских переводах произведений Пушкина, представленных в «Антологии русской поэзии» Гардзонио-Карпи (2004)¹⁵. О значительном месте изучения рецепции личности и творчества А.С. Пушкина в иных национальных культурах в современном российском (и не только) пушкиноведении красноречиво свидетельствуют доклады И.А. Тарасовой, Р. Божич и др. Представляется необходимым обозначить аспекты, вызывающие живой научный интерес.

В первую очередь это исследования переводов из Пушкина в разные эпохи и на различные языки, включая изучение таких вопросов, как роль переводческой концепции в переводческих интерпретациях, значение для выбранных переводческих вариантов общего (инонационального) восприятия Пушкина и русской литературы в целом, принципиальные различия в системах стихосложения и в самих языковых системах, выбор переводчиков и редакторов (особенно это касается антологий), расхождение национальных концептосфер и идейно-эстетические признаки эпохи, находящие воплощение в переводе. Этим вопросам были посвящены доклады А.В. Кафановой – о тургеневских переводах произведений А.С. Пушкина на французский язык («Болдинские чтения» в разные годы, 2024 г.) и А.И. Тарасовой – о Милораде Павиче как переводчике А.С. Пушкина и главном редакторе собрания его сочинений на сербском языке («Рецепция личности и творчества А.С. Пушкина в русской и мировой культуре (XIX–XXI вв.)», 2024 г.).

Актуальными остаются исследования воздействия творчества Пушкина на инонациональные литературы. Несмотря на ограниченность (по сравнению с влиянием творчества Достоевского) степени этого воздействия, случаи непосредственной рецепции и адаптации пушкинской поэзии и прозы, особенно его «Капитанской дочки» и «Евгения Онегина», встречаются, и многие

¹⁵ См.: *Antologia della Poesia Russa / a Cura di Stefano Garzonio e Guido Carpi. Roma : La Repubblica, 2004. 985 p.*

из них заслуживают научного внимания как значимые продукты межнационального диалога. Пример такого рода – роман в стихах современной французской писательницы К. Бове «Ужель та самая Татьяна» (*Songe à la douceur*, 2016). Способы пересоздания в нем сюжета, образов и поэтики «Евгения Онегина» были концептуально описаны в докладе М.И. Николы («Рецепция личности и творчества А.С. Пушкина в русской и мировой культуре (XIX–XXI вв.)», 2024 г.). В докладе В.Е. Угрюмова («Болдинские чтения», 2024 г.) был проанализирован не менее значимый продукт межкультурного диалога с Пушкиным – пьеса английского драматурга П. Шеффера «Амадей» (1979).

Особый интерес для современной гуманитаристики представляет вопрос об интерпретации пушкинского творчества в академической науке за рубежом. В частности, мало исследован вопрос о проникновении имагологического мифа о России в зарубежные исследования личности и творчества Пушкина. Основания для постановки этого вопроса изложены в моих докладах (конференции 2024–2025 гг.), посвященных англо-американскому литературоведению первой половины XX в. В них было доказано, что особая этнокультурная интерпретация творчества А.С. Пушкина (шире – русской литературы XIX в., которая была выработана в трудах М. Бэринга (M. Baring) в 1910-е гг.), стала продуктивной моделью толкования принципиальных черт пушкинского творчества. Основу этой модели составило соотнесение реализма как ментальной установки на «близость природе и факту», смягченной «всечеловечностью», с такими чертами русского национального характера, как здравомыслие, верность факту, адаптивность, милосердие (Королева, 2024). Получив общее «одобрение» Д.С. Мирского, она повлияла на концепцию пушкинского творчества в трудах таких видных литературоведов и литературных критиков, как Я. Лаврин (Y. Lavrin), Дж. Бейли (J. Bayley) и Э. Бриггс (A. Briggs).

Этнокультурная интерпретация предопределила проникновение в англо-американскую пушкинистику XX в. имагологического мифа о России: его воздействие сказалось в трактовках идейного содержания поэмы «Медный всадник», соотносивших его со стереотипами о деспотизме природы власти в России и склонности русского народа к насилию (Э. Уилсон), о благоговении русского народа перед энергичными тиранами (Дж. Бейли) и вопросом о выборе между русской автократией и западной демократией (Э. Бриггс).

Другой путь мифологизации научного дискурса, по моим наблюдениям, сопряжен с методом «нового историзма». Социологизированный подход с акцентом на изучении политических взглядов автора особенно ощутим в современных англоязычных статьях, посвященных полемике пушкинской «Полтавы» с байроновским «Мазепой». Так, в статье *Poltava at 300: Re-reading Byron's Mazeppa and Pushkin's Poltava in the Post-Soviet Era* К. Доука, преподавателя русской литературы и компаративистики в Бристольском университете, утверждается, что основная цель Пушкина в «Полтаве» – пародировать «Мазепу» Байрона – the poem's primary function is to parody Byron (Doak, 2010, p. 88). Основным же выводом исследователя является утверждение, что байроновский Мазепа если и не более верный в историческом плане образ, то, по крайней мере,

менее опасный, чем пушкинский. Его мужественное, стоически-спокойное принятие поражения при том, что воля к жизни побуждает его продолжать движение, рекомендуется автором статьи в качестве примера для подражания любому современному читателю, особенно русскому и украинскому.

В схожем русле проблема полемики пушкинского текста с байроновским решается и в другой современной англоязычной статье – *The literary portrayals of Ivan Mazepa in Byron's Mazeppa and Pushkin's Poltava. A comparative analysis* Татьяны Крол, преподавателя Дублинского городского университета. Отмечая, что Пушкин прекрасно знал поэму Байрона и ориентировался на нее, исследователь выдвигает предположение, что русский поэт имел намерение «бросить вызов великому романтику» (the challenge the Great Romantic) (Krol, 2023, p. 12). Основанием же для этого вызова, по мнению Т. Крол, стало несогласие Пушкина с политическими взглядами Байрона. Соответственно, и образ Мазепы – центральный для обоих поэтов – трактуется как способ отстоять свою политическую позицию. К концу статьи автор приходит к выводу, что любовь Мазепы и Марии для Пушкина только «отправная точка в изображении гетмана как негодяя, в то время как подлинный гнев поэта направлен на предательство Мазепой русского царя» (a point of departure for Pushkin's portrayal of the Hetman as a villain, while the body of the poet's indignation is aimed at Mazepa's treachery of the Russian Tsar) (Ibid., p. 17). И обобщает: Пушкин «переформатировал Мазепу в фигуру злодея в соответствии со своими империалистическими убеждениями» (reshaped Mazepa into a villain figure in line with his imperialist beliefs) (Ibid., p. 21).

В этих статьях поэма Пушкина, равно как и поэма Байрона, исследуется в аспекте политических взглядов автора; внимание нацелено на выявление идеологического плана художественного текста как глубинной содержательной структуры текста, способной бороться с общественным мнением и формировать его. В итоге от наблюдений над некоторыми несоответствиями пушкинской поэмы исторической действительности эти работы неизменно двигаются к выявлению несуществующих (мифических) «колонизаторских», «империалистических» убеждений поэта.

Заключение

Таким образом, тематика и содержание докладов, представленных на профильных («пушкинских») международных конференциях последних лет, дают твердое основание для выделения в современной российской пушкинистике четырех основных направлений научной работы: поэтика и проблематика пушкинского творчества в контексте традиции и эпохи; поэтика русской литературы в контексте восприятия личности и творчества Пушкина; пушкинский миф (в том числе его творческое осмысление и деконструкция); восприятие личности и творчества поэта в иных национальных культурах.

Выделенные направления и отдельные их аспекты, охарактеризованные как наиболее актуальные (в первую очередь речь идет о компаративно-

рецептивном аспекте), не претендуют на полноту описания всей палитры вопросов в «пушкинских» исследованиях последних лет. Однако они дают объективное представление о современном ландшафте «пушкинского проблемного поля». Разнообразие этого ландшафта, очевидная преемственность по отношению к методологической и содержательно-практической традиции российской науки о литературе в целом и о пушкинском творчестве в частности, равно как и глубина и оригинальность исследовательского взгляда, о которых мы можем судить по представленным в этом выпуске «Вестника РУДН» статьях. Все это свидетельствует как о неисчерпаемости диалога российской и мировой культуры с поэтом, так и о бесконечности перспективы научных открытий на путях пушкиноведения.

ENG

Introduction

Pushkin's works, "captured" in the associative field of ideas about his personality and era, are one of the fundamental components of Russian national culture, Russian self-awareness. The "myth-creation" (M.V. Zagidullina's term) of Pushkin, which began during his lifetime, continues to this day in the forms of manifestation of both mass consciousness (anecdotes, jokes, online micropoetry, the blogosphere) and individual responses (literary works, comics, animated and feature films). Preserving the basic oppositions "mine – ours", "poet – crowd", "poet – power", "eternal – temporary", "sacred (ideal) – profane (imperfect)", the Pushkin myth of the late 20th – early 21st centuries, both in its individual and mass forms, strives to overcome its limits, to look at itself from the outside, to find a new emotional and phenomenological closeness with Pushkin – a man with a unique personality, the author of classic texts of Russian literature, a poet-genius who became a symbol of profound humanity and spiritual subtlety of Russian culture.

The intention to go beyond the myth, to go away from the established common or academic (scholarly) judgment about Pushkin's work is characteristic of modern Russian literary criticism, too. Based on the influential idea, repeatedly confirmed by the results of research both in past and present, it is impossible not to respond to Pushkin and that Russian literature is developing along the paths largely laid by him, Pushkinists in Russia correlate, in general, with four directions of the 'Pushkin problematic field'. These directions are united by a demand and a possibility to treat 'Pushkin things' in this or that new perspective – and this makes it possible to discover something that has until now eluded the gaze of the researcher.

Current Research Areas in Russian Pushkin Studies

The following areas can be highlighted as the main directions of modern Russian Pushkin studies.

1. The poetics and problems of Pushkin's work in the context of tradition and era, including figurative and stylistic features of speech and literary genres.

2. The poetics of Russian literature in the context of responses to Pushkin's personality and work.

3. The Pushkin myth (including its creative comprehension and deconstruction) as a way of identification and self-identification in popular culture and the individual author's picture of the world.

4. The "other" Pushkin: his perception in other national cultures, including filmography, musical forms of reception of his work, academic discourse.

The significance of the highlighted aspects for modern Russian humanities is confirmed by topics of the papers presented for discussion in recent years – first of all, at the traditional for Pushkin scholars conference *Boldinskiye Chteniya* (Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod) and at the relatively new conference, proven to be successful – *Reception of the Personality and Work of A.S. Pushkin in Russian and World Culture (19th – 21st Centuries)* (Linguistics University of Nizhny Novgorod). New observations and significant results in relation to the first of the highlighted aspects were presented, in particular, in papers by L.A. Karpushkina – on the parody of Shakespeare's ekphrasis in *Count Nulin* (*Boldinskiye Chteniya*, 2024), by M.Yu. Elepova – on the literary and autobiographical contexts and allusions of Pushkin's translations from Andre Chenier (*Reception of the Personality and Work of A.S. Pushkin in Russian and World Culture (19th – 21st Centuries)*, 2025), by N.A. Karpov – on the semantic inconsistency of Pushkin's *Monument*, associated with the orientation of the artistic word on complexly organized figurative and symbolic aspects of meanings (*Reception of the Personality and Work of A.S. Pushkin in Russian and World Culture (19th – 21st Centuries)*, 2023).

Discussion of individual stylistic features of Pushkin's word, which began (like the Pushkin myth) during the poet's lifetime, has undoubtedly not been exhausted and can be proceeded with the perspective of new questions raised and new answers given. In particular, the question of interaction in Pushkin's verse of different style components, resulting in both proseization of poetry and the poeticization of prose (including that of life and of everyday routine) in his work, remains significant. Based on the material of unpublished Pushkin's addresses, this 'Lotmanian' and at the same time 'Bakhtinian' and 'Vinogradovian' question (from the perspective of everyday vocabulary's involvement into poetic discourse) is covered in the article by E.N. Grigorieva and V.T. Zolotukhin, presented in this issue of the journal.

No less relevant for modern literary criticism are questions from the sphere of comparative literature studies – concerning ways in which borrowed motifs, images, ideological and thematic patterns are redesigned in Pushkin's work. In particular, the question of polemics with Byron, which Pushkin covertly incorporates into his poem *The Bronze Horseman*, requires in-depth study. Indeed, Byron's 'Venetian text'¹⁶ in its four most significant forms of realization: the fourth song of *Childe Harold's Pilgrimage* (1818), *Ode on Venice* (1818), the comic poem *Beppo* (1817), and especially the tragedy *Marino Faliero, Doge of Venice* (1820), is of undoubted importance for Pushkin's poem.

¹⁶ See: Mednis, N.E. (1999). *Venice in Russian Literature*. Novosibirsk State Pedagogical University. (In Russ.)

Of no small importance for reflection on the nature of the interaction between Pushkin's *Bronze Horseman* and Byron's 'Venetian text' is the fact that the images of St. Petersburg and Venice were potentially correlated in the consciousness of Pushkin's epoch – that is, in the ideas of those who made up the poet's circle of friends. This correlation was directly manifested several decades later: in particular, in the 'Venetian' poems by P.A. Vyazemsky of the 1850–1860s. However, already in *A Walk to the Academy of Arts* (1814) by K.N. Batyushkov, to which Pushkin vividly responded in the Introduction to *The Bronze Horseman* (Dzhanumov, 2020), the theme of creativity and beauty, reflections on the masterpieces of ancient and European culture, on the charm of the St. Petersburg landscape and the prospects for the development of Russian culture paved way for a stable association between St. Petersburg and Venice.

In the Introduction of Pushkin's poem, the 'Venetian veil' covers, as it were, the image of St. Petersburg, while new features and meanings shine through it. The main details of this veil-halo are: "golden skies" and "transparent twilight" of St. Petersburg nights¹⁷ (cf.: "nights of golden Italy" – *Eugene Onegin*¹⁸; "golden Venice" – *Near the places where golden Venice reigns...*¹⁹; "the shine of transparent clouds" – *A Venetian Night*²⁰); the poet's solitary creative vigil at night (cf.: "When I am in my room / Writing, reading without a lamp"²¹ – "Alone, a night oarsman, steering a gondola, / ... / Sings of Rinaldo, Godfred, Erminia..."²² – *Near the places where golden Venice reigns...*); "the glitter, noise and talk of balls", "a bachelor's feast" (cf.: "lush amusements", "night feast" in *A Venetian Night*²³). The implicit comparison of Petersburg to Venice in this part of the poem is based, first of all, on the literary image of the Italian city that was created by Byron in *Childe Harold's Pilgrimage*, IV and partly in *Beppo*. At the same time, there is a significant distance between the "golden skies" of the St. Petersburg white nights – an image in which the symbolism of divine election is tightly fused with the realism of the reproduced detail, on the one hand, and "golden Venice," on the other, just as there is between the autobiographical author, depicted reading and writing in solitude in his room, on the one hand, and the conventionally literary image of a gondolier singing in the night, on the other.

¹⁷ Pushkin, A.S. (1977). *The Bronze Horseman*. In A.S. Pushkin, *Complete Collected Works* (Vol. 4: Poems. Fairy-Tales, p. 275). Leningrad: Nauka (In Russ.). All quotations from Pushkin here and elsewhere are provided translation by author – S.K.

¹⁸ Pushkin, A.S. (1978). *Eugene Onegin*. In A.S. Pushkin, *Complete Collected Works* (Vol. 5: Eugene Onegin. Dramatic Works, p. 25). Leningrad: Nauka. (In Russ.)

¹⁹ Pushkin, A.S. (1977). *Near the places where golden Venice reigns...* In A.S. Pushkin, *Complete Collected Works* (Vol. 3: Poems, 1827–1836, p. 24). Leningrad: Nauka. (In Russ.)

²⁰ Kozlov, I. (1948). *A Venetian Night*. In I. Kozlov, *Poems* (p. 51). Moscow: Sovetsky Pisatel Publ. (In Russ.)

²¹ Pushkin, A.S. (1977). *The Bronze Horseman*. In A.S. Pushkin, *Complete Collected Works* (Vol. 4: Poems. Fairy-Tales, p. 275). Leningrad: Nauka (In Russ.)

²² Pushkin, A.S. (1977). *Near the places where golden Venice reigns...* In A.S. Pushkin, *Complete Collected Works* (Vol. 3: Poems, 1827–1836, p. 24). Leningrad: Nauka. (In Russ.)

²³ Kozlov, I. (1948). *A Venetian Night*. In I. Kozlov, *Poems* (p. 52). Moscow: Sovetsky Pisatel Publ. (In Russ.)

The final lines of the Introduction, as well as the main part of *The Bronze Horseman*, refer to another ‘Venetian’ work by Byron – the tragedy *Marino Faliero* (cf.: I. Kogan wrote about the reception of *Marino Faliero* in another work by Pushkin²⁴). The culmination of this tragedy’s conflict is the hero’s prediction of the fall of Venice – a prediction-curse, close in its style and intonation to the Old Testament prophecies, mixed with denunciation of the crimes of those in power before God, with a destructive invocation of the Supreme Retribution. With this intonation, Pushkin contrasts his creative appeal addressed to the city: “Be beautiful, city of Peter, and stand / Unshakably like Russia...”²⁵. The appeal, made in a utopian-poetic vein (Markovich, 2023, p. 133), is aimed at “summoning” a prosperous future for the city and the entire state embodied in its image by the power of the poetic-prophetic word. The poet’s accompanying clarifying wish: “May the conquered elements be at peace with you...” again refers to Byron’s lines²⁶. In it, the periphrasis calling Venice “a ruler of the waters and their powers” (*Childe Harold’s Pilgrimage*, IV²⁷) is recreated into a formula of a prophetic and poetic wish supporting the idea of no absolute dominance of the city over the elements (as in Byron), but of dominance based on reconciliation. The context of *Marino Faliero*, fastening the Introduction and the main part of Pushkin’s poem, illuminates its philosophy of history.

References to Byron’s tragedy, realized throughout the plot and imagery of *The Bronze Horseman* (images of lions, the image of an equestrian statue and its mystical connection with the city and the hero; the motif of the loss of reason by a rebellious proud man; the theme of kinship, intertwined with the themes of power and history, etc.), actualize in Pushkin’s poem that ideological and thematic complex of Byron’s ‘Venetian text’, which was most fully embodied in his *Ode to Venice* and which colored his other artistic statements about the “sea Cybele” in meditative and elegiac tones. The multifaceted image of this city in works by the English poet contains, among other things, signs of the inglorious withering of a powerful state – a free republic that turned into a mighty empire, and then started gradually declining and, finally, completely lost its historical face (Kelsall, 2024). Through references to Byron’s Venetian text, Pushkin contrasts this general understanding of history as repeated unsuccessful attempts of humanity to create a blessed empire with both a prophetic and poetic call for a prosperous future for St. Petersburg and Russia, and a profound understanding of the unstable foundations not of empires in general, but of “post-Petrine statehood”, in which the scope of political development and cultural construction coexists with the “cutting off of family ties” and the belittling of man (Virolainen, 1999, pp. 208, 213).

The second of the identified areas of study of Pushkin and the Pushkin myth includes the results of the research presented in A.V. Kulagin’s paper focused on the

²⁴ Kogan, I. (2008). *The Secret of Pushkin’s Venetian Poem*. Saint Petersburg: COSTA Publ. (In Russ.)

²⁵ Pushkin, A.S. (1977). *The Bronze Horseman*. In A.S. Pushkin. *Complete Collected Works* (Vol. 4: Poems. Fairy-Tales, p. 275). Leningrad: Nauka (In Russ.)

²⁶ Ibid.

²⁷ Byron, Lord. (2008). *Childe Harold’s Pilgrimage*. In Lord Byron, J.J. McGann (Ed.), *The Major Works* (p. 149). Oxford University Press.

literary fate of Pushkin's *Demons* and the reception of this masterpiece in Vysotsky's song *Open doors...* (*Reception of the Personality and Work of A.S. Pushkin in Russian and World Culture (19th – 21st Centuries)*, 2023), as well as in a paper by I.I. Tsvik concerning Pushkin's tradition in M. Tsvetaeva's and A. Akhmatova's works (*Boldinskiye Chteniya*, 2024), and by N.N. Podosokorsky – in a paper devoted to A.S. Pushkin's works as a source for the story of General Ivolgin in F.M. Dostoevsky's novel *The Idiot* (*Reception of the Personality and Work of A.S. Pushkin in Russian and World Culture (19th – 21st Centuries)*, 2025).

Two articles in this issue are related to this very direction of modern Pushkin studies: on L.N. Tolstoy's response to Pushkin's works in the aspect of people's war (A.I. Ivanitsky's and K.A. Nagina's article), and on the role of a quotation from Pushkin's short tragedy *The Stone Guest* in F.M. Dostoevsky's novel *The Brothers Karamazov* (O.N. Turyшева's article). Being one of the directions of contemporary Russian Pushkin studies, scholar's dialogue about responses to the personality and work of A.S. Pushkin in "post-Pushkin" Russian literature seems to have no visible boundaries. It can be stated with certainty that not only classical Russian literature of the 19th century still preserves unrecognized traces of the direct or indirect influence of Pushkin's work, but also the poetry of A. Blok, O. Mandelstam, M. Kuzmin, N. Gumilyov, D. Samoilov, A. Kushner, A. Galich, B. Okudzhava, V. Vysotsky (the sequence of names to be mentioned here is above our scope), as well as the poetry of our contemporaries: M. Vatutina, I. Karaulov, A. Dolgareva, E. Zaslavskaya.

In particular, the question of distinct Russian 'method' of developing the myth of Don Juan, set forth in Pushkin's *Stone Guest*, deserves close attention. It is quite well-known that Pushkin starts from the traditionally (by his epoch) comic treatment of the Don Juan plot and, developing the high, tragic principle inherent in the myth and highlighted in Mozart's opera, comes to the problem of struggle between the eternal and the temporary, as well as between the higher reality and ordinary facts, and not only in the large space of culture, society, and history, but inside the man (Koroleva, 2025).

However, post-Pushkin images of Don Juan in the Russian literature of the 19–20th centuries are much less studied. Meanwhile, the Pushkin line in developing the myth was followed in the second half of the 19th century by A.K. Tolstoy in his famous dramatic poem *Don Juan*. At the beginning of the 20th century, Don Juan became the subject of lyrical and philosophical reflections on man in symbolist and post-symbolist poetry (in lyrics by K. Balmont, V. Bryusov, Z. Gippius, N. Gumilev, A. Blok, M. Tsvetaeva). In these works, in general, the Pushkin line of Don Juan is also manifested. Thus, the central theme of Bryusov's poem is not love affairs and sexual conquests, but love as an ecstatic state of the soul, which is capable of leading it through contact with women's souls ("new worlds") to the "holy depth" – Eternity²⁸. In N. Gumilyov's sonnet *Don Juan* the hero is divided between the instinct of eternal striving, movement, victory, reflection on the future – and rare

²⁸ Bryusov, V. (1955). *Don Juan* (Vol. 1, p. 101). Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ. (In Russ.)

insights (“suddenly I will come to my senses”), revealing the emptiness and false “wholesomeness” of his being²⁹.

In the Soviet period of Russian literature’s development, the ontological and tragic depth of Pushkin’s image of Don Juan is preserved not in drama (S. Aleshin’s comedy *Then in Seville* (1948), L. Zhukhovitsky’s play *The Last Woman of Seigneur Juan* (1981)), but in poetry. In particular, the poem-farce *Old Don Juan* by D. Samoilov (1976) and the poem *Don Juan* by V. Sosnora (1979) should be analyzed from this point of view. The texts are united by the image of a hero whose major features, synthesizing traits of diverse heroes (existential, romantic, symbolist, avant-garde), are obviously correlated with the author’s position. For both Sosnora and Samoilov, Don Juan is a heroic projection of themselves – the reflection that stands for courage, and decisiveness, and the noble character retreating neither before death nor before a curse, searching for the truth and meaning.

The third of the identified areas of modern Pushkin studies correlates with the observations that were presented in papers of G.L. Gumennaya – on the images of monuments to Pushkin in Boris Sadovskoy’s poetry (*Reception of the Personality and Work of A.S. Pushkin in Russian and World Culture (19th – 21st Centuries)*, 2023), I.S. Yukhnova – on the strategies of biographical narration biographical novels about Pushkin by V.P. Avenarius (the same conference), Yu.E. Pavelieva – on the “Pushkin line” in Alexander Solzhenitsyn’s work (*Reception of the Personality and Work of A.S. Pushkin in Russian and World Culture (19th – 21st Centuries)*, 2024), A.G. Kovalenko – on references to Pushkin in the poetry and prose of Russian post-modernism (*Reception of the Personality and Work of A.S. Pushkin in Russian and World Culture (19th – 21st Centuries)*, 2025). This aspect is treated in three articles of this issue: on the Pushkin myth in literary manifestos of the 1920s (A.Yu. Ovcharenko, E.A. Shaprinskaya), on the role of references to Pushkin in humorous texts of the Satirikonists (N.A. Karpov) and on the forms and meaning of the ‘Pushkin text’ in mature works of A. Galich (M.A. Alexandrova).

In comparison with the role of the Pushkin myth in Russian culture, the fact of particular attention of English critics to the ‘Pushkin myth of Dostoevsky’ seems noteworthy. As early as 1916, in works of J. M. Murry (one of the most authoritative English literary critics of that time), the intention of self-identification (in relations with Pushkin) was highlighted in Dostoevsky’s “Pushkin Speech”. In Murry’s preface to the book *Dostoyevski. Pages from the Journal of an Author*, it was suggested to see in Pushkin the central figure of Russian literature and the *alter ego* of the writer (Murry, 1916). The preface consistently and convincingly states that the *Pushkin Speech* is, first and foremost, a monologue of the great writer about himself, his innermost aspirations, his faith in Russia and in the miracle of mankind’s rebirth.

The fourth of the identified aspects of Russian Pushkin studies today is touched upon in this issue in A.V. Yampolskaya’s article about the Italian translations of Pushkin’s works, presented in the *Anthology of Russian Poetry (Antologia Della*

²⁹ Gumilyov, N.S. (1998). *Don Juan* (Vol. 1, p. 272). Moscow: Voskresenie Publ. (In Russ.)

Poesia Russa), edited by S. Garzonio and G. Carpi (2004)³⁰. The significance of contemporary studies focused on the problem of cross-cultural reception of A.S. Pushkin's personality and work is eloquently evidenced by papers presented at recent 'Pushkin conferences' by I.A. Tarasova, R. Božić, and others. It seems necessary to outline the aspects that arouse scholars' lively interest.

First of all, these are studies of translations from Pushkin in different epochs and into different languages, including studies of such issues as the role of personal experience and concepts (including translation paradigms) in translation interpretations, the influence of common views of Pushkin and Russian literature on the selected translation options, fundamental differences in the systems of versification and in the language systems, the choice of translators and editors (this is especially true for anthologies), divergence of national conceptual spheres and ideological and aesthetic features of the epoch that are brought into the text of a translation. These issues have been tackled recently, in particular, in papers by A.V. Kafanova – on Turgenev's translations of Pushkin's works into French (*Boldinskiye Chteniya* of different years, including 2024) and by A.I. Tarasova – on Milorad Pavić as a translator of A.S. Pushkin and the editor-in-chief of his collected works in Serbian (*Reception of the Personality and Work of A.S. Pushkin in Russian and World Culture (19th – 21st Centuries)*, 2024).

The problem of Pushkin's influence on foreign literatures remains relevant. Despite the limited (in comparison with the influence of Dostoevsky's work) measure of this influence, there are cases of direct reception and adaptation of Pushkin's poetry and prose, especially of his *Captain's Daughter* and *Eugene Onegin*, and many of them, as significant products of a cross-cultural dialogue, deserve scholars' attention. An example of this kind is the novel in verse by Clémentine Beauvais *Songe à la douceur* (2016). The methods of recreating the plot, images and poetics of *Eugene Onegin* in it were conceptually described in a paper by M.I. Nikola (*Reception of the Personality and Work of A.S. Pushkin in Russian and World Culture (19th – 21st Centuries)*, 2024). In V.E. Ugryumov's paper (*Boldinskiye Chteniya*, 2024), an equally significant product of intercultural dialogue with Pushkin was analyzed, that is the play by the English playwright P. Schaffer *Amadeus* (1979).

Of particular interest to modern humanities is the issue of interpreting Pushkin's work in literature studies abroad. In particular, the issue of penetration of the imagological myth of Russia into foreign Pushkin studies has not been thoroughly researched. The grounds for posing this question are set out in my papers (conferences 2024–2025) devoted to the Anglo-American literary criticism of the first half of the 20th century. They argued that a particular ethnocultural interpretation of A.S. Pushkin's works and of Russian literature of the 19th century, in general, which was developed by M. Baring in the 1910s, became a productive model for Anglo-American Pushkin studies. At the basis of this model we can find a link between realism (as a mental attitude towards "closeness to nature and fact", softened by "universal humanity") and such features of the Russian national character as common sense, matter-of-factness, adaptability, mercy (Koroleva, 2024). Having

³⁰ Garzonio, C.S., & Carpi, G. (2004). *Antologia della Poesia Russa*. Roma: La Repubblica.

received ‘approval’ of D.S. Mirsky, this interpretation influenced the concept of Pushkin’s work in works of such prominent literary scholars and critics as Yanko Lavrin, John Bayley and Anthony Briggs.

The ethnocultural interpretation predetermined the penetration of the imago-logical myth of Russia into Anglo-American Pushkin studies of the 20th century: its influence, in particular, is reflected in such interpretations of *The Bronze Horseman*, that contained suppositions concerning the despotic nature of power in Russia, the inclination of the Russian people to violence (E. Wilson), as well as the reverence of Russians for energetic tyrants (J. Bayley) and Pushkin’s choice between Russian autocracy and Western democracy (A. Briggs).

Another way of mythologizing academic discourse, in my observations, is associated with the method of new historicism. The ‘new historicist’ approach, with an emphasis on studying the author’s political views, is especially noticeable in contemporary English-language articles devoted to the polemics between Pushkin’s *Poltava* and Byron’s *Mazeppa*. Thus, in the article *Poltava at 300: Re-reading Byron’s Mazeppa and Pushkin’s Poltava in the Post-Soviet Era*, a lecturer in Russian literature and comparative studies at the University of Bristol, argues that Pushkin’s primary purpose in *Poltava* was to parody Byron’s *Mazeppa* (Doak, 2010, p. 88). The researcher’s main conclusion is that Byron’s *Mazeppa* is, although not a more historically accurate image, then at least less dangerous than Pushkin’s hero. His courageous, stoically calm acceptance of defeat, while his will encourages him to continue moving, to live, is recommended by the author of the article as a model to follow for any modern reader, especially Russian and Ukrainian.

In a similar way, the problem of Pushkin’s polemics with Byron in *Poltava* is also treated in another modern English-language article – *The literary portrayals of Ivan Mazepa in Byron’s Mazeppa and Pushkin’s Poltava. A comparative analysis* (2023) by Tatyana Krol, a lecturer at Dublin City University. Noting that Pushkin knew Byron’s poem very well and used it as a reference, the researcher suggests that the Russian poet intended to “challenge the Great Romantic” (Krol, 2023, p. 12). According to T. Krol, the basis for this challenge was Pushkin’s disagreement with Byron’s political views. Accordingly, the image of Mazepa, which is central to both the poets, is interpreted as a way to defend their political positions. By the end of the article, the author comes to the conclusion that love between Mazepa and Maria is for Pushkin only a point of departure for Pushkin’s portrayal of Hetman as a villain, while the body of the poet’s indignation is aimed at Mazepa’s treachery of the Russian Tsar (Krol, 2023, pp. 12, 17). She also states that Pushkin reshaped Mazepa into a villain figure in line with his imperialist beliefs (Ibid., p. 21).

In these articles, Pushkin’s poem, as well as Byron’s one, is examined in the aspect of the author’s political views; attention is aimed at identifying the ideological plan of the artistic works as their deep meaningful structure, capable of struggling with public opinion and shaping it. Ultimately, from observing some discrepancies between Pushkin’s poem and historical reality, these works invariably move towards identifying the poet’s non-existent “colonialist”, “imperialist” beliefs.

Conclusion

To summarize what has been argued in the article, it can be stated that the topics and content of the papers presented at “Pushkin” international conferences in recent years provide a solid basis for identifying four areas of research in contemporary Russian Pushkin studies: poetics and problems of Pushkin’s work in the context of tradition and epoch; poetics of Russian literature in the context of perception of Pushkin’s personality and work; the Pushkin myth (including its creative understanding and deconstruction); and the perception of the poet’s personality and work in other national cultures.

The areas (or lines), highlighted here as the major ones in contemporary Russian Pushkin studies, as well as their individual aspects (with a focus on comparative and receptive issues), characterized as insufficiently researched, is not a complete description of the entire palette of questions in Pushkin studies of recent years. However, they give an objective concept of the landscape of “Pushkin problem field” as it exists in contemporary literature studies. The diversity of this landscape, the obvious continuity in relation to the rich tradition of Russian literary criticism, in general, and on Pushkin’s work, in particular, as well as the depth and originality of the research view, of which we can judge from the articles presented in this issue, testify to both the inexhaustibility of the dialogue between Russian and world cultures and the poet, and the endless prospects for discoveries on the paths of Pushkin studies.

Список литературы

- Виролайнен М.Н. «Медный всадник. Петербургская повесть». Пушкинская энциклопедия. К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина // Звезда. 1999. № 6. С. 208–219.
- Джанумов С.А. Образ Петербурга в поэме А.С. Пушкина «Медный Всадник» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 1. С. 93–106. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2020-1-93-106>
- Королева С.Б. Морис Бэринг и А.С. Пушкин: перевод и проблемы формирования литературного канона // Имагология и компаративистика. 2024. № 22. С. 88–113. <https://doi.org/10.17223/24099554/22/6>
- Королева С.Б. От «Каменного гостя» к «Старому Дон Жуану»: пушкинский вектор развития вечного образа // Пушкин в XXI веке: литература, культура, язык : коллективная монография / сост., отв. ред. М.Ю. Елепова. Архангельск : САФУ, 2025. С. 5–20.
- Маркович В.М. Чудесное в интимной и политической лирике Пушкина. К проблеме: Пушкин и русский утопизм // О Пушкине. Работы разных лет / под ред. Е.Н. Григорьевой. СПб. : Росток, 2023. С. 101–134.
- Doak C.B. Poltava at 300: Re-reading Byron’s *Mazeppa* and Pushkin’s *Poltava* in the Post-Soviet Era // Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies. 2010. Vol. 24. No. 1-2. P. 83–101.
- Kelsall M. Turner, Byron, Empire // Эпистола. Филологический журнал. 2024. Т. 4. № 8. С. 59–67.
- Krol T. The literary portrayals of Ivan Mazepa in Byron’s *Mazeppa* and Pushkin’s *Poltava*. A comparative analysis // Studia Rossica Posnaniensia. 2023. Vol. 48. No. 1. P. 9–22. <https://doi.org/10.14746/strp.2023.48.1.1>
- Murry J.M. Introduction // Pages from the Journal of an Author, Fyodor Dostoevsky / transl. by S.S. Koteliensky. Boston: J.W. Luce and Co, 1916. 117 p.

References

- Doak, C.B. (2010). Poltava at 300: Re-reading Byron's *Mazeppa* and Pushkin's *Poltava* in the Post-Soviet Era. *ASEES*, 24(1–2), 83–101.
- Dzhanumov, S.A. (2020). The Image of St. Petersburg in A. Pushkin's Poem "The Bronze Horseman". *Bulletin of the Moscow State Regional University (Russian Philology)*, (1), 93–106. (In Russ.) <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2020-1-93-106>
- Kelsall, M. (2024). Turner, Byron, Empire. *Epistola*, 4(8), 59–67.
- Koroleva, S.B. (2025). From "The Stone Guest" to "Old Don Juan": Pushkin's way of the eternal image. In M.Yu. Elepova (Ed.), *Pushkin in the 21st Century: Literature, Culture, Language: Collected Essays* (p. 5–20). Northern (Arctic) Federal University. (In Russ.)
- Koroleva, S.B. (2024). Maurice Baring and Alexander Pushkin: Translation and problems of the literary canon development. *Imagology and Comparative Studies*, (22), 88–113. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/24099554/22/6>
- Krol, T. (2023). The literary portrayals of Ivan Mazepa in Byron's *Mazeppa* and Pushkin's *Poltava*. A comparative analysis. *Studia Rossica Posnaniensia*, 48(1), 9–22. <https://doi.org/10.14746/strp.2023.48.1.1>
- Markovich, V.M. (2023). The Miraculous in Pushkin's intimate and political lyrics. On the problem: Pushkin and Russian utopianism. In E.N. Grigorieva (Ed.), *About Pushkin. Works of Different Years* (pp. 101–134). Saint Petersburg: Rostok Publ. (In Russ.)
- Murry, J.M. (1916). Introduction. In *Pages from the Journal of an Author; Fyodor Dostoevsky* (S.S. Kotliansky, Trans.). Boston: J.W. Luce and Co.
- Virolainen, M.N. (1999). "The bronze horseman. A Petersburg tale". Pushkin encyclopedia. On the 200th anniversary of A.S. Pushkin's birth. *Zvezda*, (6), 208–219. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Королева Светлана Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германских языков, перевода, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации, заведующая НИЛ «Фундаментальные и прикладные исследования аспектов культурной идентификации», Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Российская Федерация, 603155, Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а. ORCID: 0000-0002-7587-9027; SPIN-код: 8621-0051. E-mail: svetlakor0808@gmail.com

Bio note:

Svetlana B. Koroleva, PhD in Philology, Professor at the Department of Roman and German Languages, Translation, Foreign Literature and Intercultural Communication, Head of the Research Laboratory of Basic and Applied Aspects of Cultural Identification, Linguistics University of Nizhny Novgorod, 31a Minina St, Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-7587-9027; SPIN-code: 8621-0051. E-mail: svetlakor0808@gmail.com